

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 16

1968

Ярослав СМЕЛЯКОВ

НОВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 16

Ярослав СМЕЛЯКОВ

НОВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Издательство «ПРАВДА»

Москва. 1968

Ярослав Васильевич Смеляков
НОВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Редактор — **П. КРАВЧЕНКО.**

Технический редактор Я Борисов

А 00403. Подписано к печати 5/V 1968 г. Формат бум 70×108¹/₃₂.
Объем 1,40 условн. печ. лист. 1,37 учетно-изд. л. Тираж 86 600
Изд. № 997. Заказ № 758. Цена 4 коп.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина
Москва, А-47 ул. «Правды», 24.

ДЕКАБРЬ

Зима стояла в декабре
совсем не шутки ради:
снег на шоссе и во дворе,
в Москве и Ленинграде.

Как белых — в шахматах — успех,
как длительное чудо,
летал повсюду белый снег,
лежал себе повсюду.

Похорошела сразу ель,
мороз трещал, как надо.
Декабрь длился пять недель
иль с лишком три декады.

И я все эти тридцать дней
(последний день не к счету)
в закрытой комнате моей
без отдыху работал.

Однажды мимо в поздний срок
дорогой недалекой
проехал Пушкина возок...
Рысак проёкал Блока.

А вслед за ними (хоть темно,
но кажется поближе)
Владим Владимыч на «рено»
проехал из Парижа.

Но вот уже, как в горле ком,
с какой-нибудь попойки
промчалась с пьяным ямщиком
есенинская тройка.

Неся набор шутивых слов
и узенькую шпагу,
прошел обочиной Светлов
своим неверным шагом.

И сквозь поземку и метель,
как музыки начало,
вдали Мартынова свирель
возлюбленно звучала.

Зима дымилась на заре,
светлея и крепчая.
Я начал книгу в декабре
и в декабре кончаю.

ДЕКАБРЬСКОЕ ВОССТАНИЕ

Я не о той когорте братской,
нельзя какую позабыть
и что из площади Сенатской
пыталась ложу учредить.

Я не о тех лихих рубаках,
красе и гордости земли,
что шли в тюрьму, как шли в атаку
и как потом в мундирных фраках
стремглав на виселицу шли.

Я о декабрьской Красной Пресне,
о той, где ты, Советов власть,
подобно первым строкам песни,
в пеленках красных родилась.

В церковном звоне всепрощенья
она извела потом
второе зимнее крещение
нагайкой голой и штыком.

О той, скуластой и сутулой
(ее давно покинул бог),
что поднялась с недобрый гулом
и прах державный отряхнула
с отцовских валяных сапог.

О той, что развернула знамя
в том белоснежном декабре
в краю Трех гор и Трех восстаний,
на перекрестке жизни ранней,
на раннеутренней заре.

БАЛЛАДА ВОЛХОВСТРОЯ

Сюда с мандатом из Москвы
приехали без проездных
в казенных кожанках волхвы
или в шинелках фронтовых.

А в сундучках у них лежат
пять топоров и пять лопат.

Тут без угара угоришь
и всласть напаришься без дров.
Пять топоров без топорниц
и пять лопат без черенков.

Но в эти годы суший клад —
пять топоров и пять лопат.

Так начинался нищий рай.
А начинался он с того,
что люди ставили сарай
для инструмента своего.

И в нем работники хранят
пять топоров и пять лопат.

Когда Ильич невторопях
ушел туда, где света нет,
и свет померк в его очах,—
отсюда хлынул общий свет.

И снова яростно стучат
пять топоров и пять лопат.

СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Я был, понятно, счастлив тоже,
когда влюблялся и любил
или у шумной молодежи
свое признание находил.

Ты, счастье, мне еще являлось,
когда не сразу, неспроста
перед мальчишкой открывалась
лесов и пашен красота.

Я также счастлив был довольно
не каждый день, но каждый год,
когда на празднествах застольных,
как колокол на колокольне,
гудел торжественно народ.

Но это только лишь вступление,
вернее, притча одна.

Вот был ли счастлив в жизни Ленин,
без оговорок и сполна?

Конечно, был. И не отчасти,
а грозной волей главаря,
когда вокруг кипело счастье
штыков и флагов Октября.

Да, был, хотя и без идиллий,
когда, опять примкнув штыки,
на фронт без песен уходили
Москвы и Питера полки.

Он счастлив был, смеясь по-детски,
когда, знамена пронося,
впервые праздник свой советский
Россия праздновала вся.

Он, кстати, счастлив был и дома,
в лесу, когда еще темно...
Но это счастье всем знакомо,
а то — не каждому дано.

НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

Куда подевалась, Россия,
поэзия тройки твоей,
глаза твоих женщин косые,
копыта твоих лошадей?

Куда вы исчезли из выюги,
полозья рязанских саней,
звучащие черные дуги
и красные розы ноздрей?

В какой утаились округе,
уйдя от грохочущих дней,
бубенчики, вожжи, подпруги,
медвяные губы подруги
и снежные губы бровей?

Но вот я по пропуску вижу,
как Красная площадь кипит.
С минутою каждую ближе
ликующий топот копыт.
Куда ты спешишь? Погоди же!
Но конница мимо летит.

Где двигались медленно танки,
вдоль красных стены и ворот,
стучит на колесах тачанки
уже одуревший в гражданке
гражданской войны пулемет.

Стремительно катится лава.
Прорублена в проблеск клинка
посмертная Блюхера слава
и мертвая жизнь Колчака.

Ах, сколько их, тех генералов,
и в штабах своих и во сне
по площади этой мечтало
на белом проехать коне.

Но все они сгибли, однако,
позорно закончив бои.
Со мной на трибунах рубака
глаза утирает свои.

Испита бесславная чаша,
и выпита чаша побед.
Идет кавалерия наша
на уровне наших ракет.
Зачем же ты плачешь, папаша?
Ведь снег пропусков и ромашек
еще не замел ее след?

Уже через Балчуг на Пресню
устало уходят полки.
И, словно бы красные песни,
за ними летят башлыки.

МАЙОР

Прошел неясный разговор,
как по стеклу радара,
что где-то там погиб майор
Эрнесто Че Гевара.

Шел этот слух издавека,
мерцая красным светом,
как будто Марс сквозь облака
над кровлями планеты.

И на газетные листы
с отчетливою силой,
как кровь сквозь новые бинты,
депеша проступила.

Он был ответственным лицом
отчизны небогатой,
министр с апостольским лицом
и бородой пирата.

Ни в чем ему покоя нет,
невесел этот опыт.
Он запер — к черту! — кабинет
и сам ушел в окопы.

Спускаясь с партизанских гор,
дыша полночным жаром,
в чужой стране погиб майор
Эрнесто Че Гевара.

Любовь была, и смерть была
недолгой и взаимной,
как клетот горного орла
весной в ущелье дымном.

Я вспомнить к случаю могу,
как в том году двадцатом
на волжском гибли берегу
литовцы и хорваты.

Как на песке чужой страны
сражались без упрека
рязанских пажитей сыны
в Испании далекой.

Друзья мои!
Не все равно ль —
признаюсь перед вами,—
где я свою сыграю роль
в глобальной грозной драме!

Куда важней задача та,
чтоб мне сыграть предвзято
не палача и не шута,
а красного солдата.

МАНОН ЛЕСКО

Много лет и много дней назад
жил в зеленой Франции аббат.

Он великим сердцеведом был.
Слушая, как пели соловьи,
он, смеясь и плача, сочинил
золотую книгу о любви.

Если вьюга замедляет путь,
хорошо у печки погрузиться.
Ты меня просила где-нибудь
эту книжку старую купить.

Но тогда была наводнена
не такими книгами страна:
издавались книги про литье,

книги об уральском чугуне,
а любовь и вестники ее
оставались как-то в стороне.

В лавке букиниста-москвича
все-таки попался мне аббат,
между штабелями кирпича
трубами и рельсами зажат.

С той поры, куда мы ни пойдем,
оглянуться стоило назад —
в одеянье стареньком своим
молча нам сопутствовал аббат.

Не забыл я милостей твоих,
и берет не позабыл я твой,
созданный из линий снеговых,
связанный из пряжи снеговой.

Это было десять лет назад
По широким улицам Москвы
десять лет кружился снегопад
над зеленым празднеством листвы.

Десять раз по десять лет пройдет.
Снова вьюга заметет страну.
Звездной ночью юноша придет
к твоему замерзшему окну.

Изморозью тонкою обвит,
до утра он ходит под окном.
Как русалка, девушка лежит
на диване кожаном твоём

Зазвенит, заплещет телефон,
в утреннем ныряя серебре,
и услышит новая Манон
голос кавалера де Грие.

Женская смеется голова,
принимая счастье и пыл.
Эти сумасшедшие слова
я тебе когда-то говорил.

И опять сквозь синий снегопад
грустно улыбается аббат.

ИСТОРИЯ

И современники и тени
в тиши беседуют со мной.
Острее стало ощущение
шагов Истории самой.

Она своею тьмой и светом
меня омыла и ожгла.
Все явственней ее приметы,
понятней мысли и дела.

Мне этой радости доньше
недоставало отродясь.
И с каждым днем нерасторжимей
вся та преемственная связь.

Как словно я мальчонка в шубке
и за тебя, родная Русь,
как бы за бабушкину юбку,
спеша и падая, держусь.

РУССКИЙ ЯЗЫК

У бедной твоей колыбели,
еще еле слышно сперва,
рязанские женщины пели,
роняя, как жемчуг, слова.

Под лампой кабацкой неяркой
на стол деревянный поник
у полной, нетронутой чарки,
как раненый сокол, ямщик.

Ты шел на разбитых копытах,
в кострах староверов горел,
стирался в бадьях и корытах,
сверчком на печи свиристел.

Вы, прадеды наши, в недоле,
мукою запудривши лик,
на мельнице русской смололи
заезжий татарский язык

Вы взяли немецкого малость,
хотя бы и больше могли,
чтоб им не одним доставалась
ученая важность земли.

Ты, пахнувший прелой овчиной
и дедовским острым кваском,
писался и черной лучиной
и лебедя белым пером

Ты — выше цены и расценки —
в году сорок первом потом
писался в немецком застенке
на слабой известке гвоздем.

Владыки, и те исчезали
мгновенно и наверняка,
когда невзначай посягали
на русскую суть языка

*
* *

Не семена и не вразвалку —
он к воздержанию привык —
идет, стуча сердито палкой,
навстречу времени старик.

Есть у него семья и дружба,
а он, старик спокойный тот,
не в услуженье, а на службу
неукоснительно идет.

Не тратя время бесполезно,
от мелких скопищ далеки,
они по-внешнему любезны,
но непреклонны, старики.

Их пиджаки сидят свободно,
им ни к чему в пижоны лезть.
Они немного старомодны,
но даже в этом прелесть есть.

Спервоначалу и доньше,
как солнце зимнее в окне,
должны быть все-таки святыни
в любой значительной стране.

Приостановится движенье,
и просто худо будет нам,
когда исчезнет уваженье
к таким, как эти, старикам.

КОМАНДАРМЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Мне Красной Армии главкомы,
молодцеваты и бледны,
хоть понаслышке, но знакомы,
и не совсем со стороны.

Я их не знал и не узнаю
так, как положено, сполна.
Но, словно песню, вспоминаю
тех наступлений имена.

В петлицах шпалы боевые
за легендарные дела.
По этим шпалам вся Россия,
как поезд, медленно прошла.

Уже давно суконных шлемов
в музеях тлеют шишаки.
Как позабытые поэмы,
молчат почетные клинки.

Как будто отблески на меди,
когда над книгами сижу,
в тиши больших энциклопедий
я ваши лица нахожу.

МЕНШИКОВ

Под утро смирно спит столица,
сыта от снеди и вина.
И дочь гвоя в императрицы
уже почти проведена.

А впереди — балы и войны,
курьеры, девки, атташе.

Но отчего-то беспокойно,
тоскливо как-то на душе.

Но вроде саднит, а не греет,
хрустя, голландское белье.
Полузаметно, но редееет
все окружение твоё.

Еще ты вроде в прежней силе,
полудержавен и хорош.
Тебя, однако, подрубили,
ты скоро, скоро упадешь.

Ты упадешь, сосна прямая,
среди синевы и мерзлоты,
своим паденьем пригибая
березки, елочки, кусты.

Куда девалась та отвага,
тот всероссийский политес,
когда ты с тоненькою шпагой
на ядра вражеские лез?

Живая вырыта могила
за долгий месяц от столиц.
И веет холодом и силой
от молодых державных лиц.

Все ниже и темнее тучи,
все больше пыли на коврах.
И дочь твою мордатый кучер
угрюмо тискает в сенях.

КОЛОКОЛЬЧИКИ

Земля российская богата
в своей траве, в своих цветах.
Все колокольчики когда-то,
как будто сельские набаты,
гремели вечером в степях.

Потом их подрезали косы,
чтоб большей не было беды.

Они ложились безголосо
в тяжеловлажные ряды.

Их после вилы поднимали,
неся над самой головой
Цветы несмело обретали
как бы ушедший голос свой.

Но, получив жестокий опыт
своей возлюбленной земли,
они уже на общий шепот
в стогах и копнах перешли.

Потом на дровнях удалялись,
роняя по дороге прах,
и губы конские купались
в траве увялой и в цветах.

Так начиналась жизнь вторая,
идя все той же стороной:
ведь колокольчики Валдая,
то раскатясь, то затихая,
звонят и плачут под дугой.

ВЕЧЕРНЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Последний час стучит все ближе,
виднее заповедный срок,
и я в дверях беру не лыжи,
а неказистый посошок.

Не посох выпренный пророка,
который риторичен все ж,
а тот, с каким неподалеку,
но тихо как-нибудь дойдешь.

И я иду неторопливо,
снежок январский шевеля,
сквозь полускрывшиеся нивы
к тебе, последняя земля.

Иду дорогой заметенной,
боясь неправильно свернуть,
и посошок мой немудреный
прямой указывает путь

СЕРДЦЕ

Если мир треснет, трещина пройдет
через сердце поэта.

Генрих Гейне.

Мир был разъят и обещен,
земля крутилась тяжело.
Ах, сколько их, тех самых трещин,
по сердцу самому прошло.

Оно еще живет покуда
и переваривает быт,
но, словно с трещиной посуда,
веселым звоном не звенит

Оно еще стучит неплохо,
в нем не совсем погаснул жар,
оно согдится твоей эпохой,
последний выдержать удар.

ПЕЙЗАЖ

Сегодня в утреннюю пору,
когда обычно даль темна,
я отодвинул набок штору
и молча замер у окна.

Небес сияющая сила
без суеты и без труда
сосняк и ельник просквозила,
да так, как будто навсегда.

Мне, как награда без привычки,
вся освещенная землей
и дробный стрекот электрички,
как шов, сшивающий поля.

Я кожей чувствую и слышу,
что с этим зимним утром слит,
и жизнь моя, как снег на крыше,
в спокойном золоте блестит.

Еще покроют небо тучи,
еще во двор заглянет зло.
Но все-таки насколько лучше,
когда за окнами светло!

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ В ПСКОВСКОЙ ГОСТИНИЦЕ

С тех самых пор, как был допущен
в ряды словесности самой,
я все мечтал к тебе, как Пушкин,
приехать утром и зимой.

И по дороге возле Пскова —
чтоб все, как было, повторить, —
мне так хотелось ночью снова
тебе шампанского купить.

И чтоб опять на самом деле,
пока окрестность глухо спит,
полозья бешено скрипели
и снег стучал из-под копыт.

Все получилось по-иному:
день щебетал, жужжал и цвел,
когда я к пушкинскому дому
нетерпеливо подошел.

Но из-под той заветной крыши
на то крылечко без перил
ты сам не выбежал, не вышел
и даже дверь не отворил.

...И, сидя над своей страницей,
я понял снова и опять,
что жизнь не может повториться,
ее не надо повторять.

А надо лишь с благоговеньем,
чтоб дальше действовать и быть,
те отошедшие виденья
в душе и памяти хранить.

ИЗВИНЕНИЕ ПЕРЕД НАТАЛИ

Теперь уже не помню даты —
ослабла память, мозг устал,—
но дело было: я когда-то
про Вас бестактно написал.

Пожалуй, что в какой-то мере
я в пору ту правдивым был
Но Пушкин Вам нарочно верил
и Вас, как девочку, любил.

Его величие и слава,
уж коль по чести говорить,
мне не давали вовсе права
Вас и намеком оскорбить

Я не страдаю и не каюсь,
волос своих не рву пока,
а просто тихо извиняюсь
с той стороны, издавека.

Ах, Вам совсем нетрудно это:
ведь и при жизни Вы смогли
забыть великого поэта —
любовь и гордость всей земли.

ЖАНТИЛ

Не жалуясь нисколечко,
душой и телом чист,
лежит себе на коечке
бразильский коммунист.

Ему побриться недосуг,
о красоте забыл,
мой юный брат и верный друг.
Виват тебе, Жантил!

Не ландыши и лилии
у друга на уме.

Компартия Бразилии
в подполье и тюрьме.

Поговорить в охотку нам,
хочу, чтоб рассказал,
как он в больницу Боткина
нечаянно попал.

Беседуем, как химики:
понятней и скорей
на пальцах да на мимике,
без всяких словарей.

Беседу одностенную
уж мне ли позабыть?
Решеточку тюремную
легко изобразить.

И он понурил голову.
Не позабыл Жантил
дубиночки тяжелые
напудренных горилл.

Он сам, как было велено,
не посчитал за труд
приехать в школу Ленина,
в марксистский институт.

С тобой шагаем об руку,
не убоившись их —
ресниц святого отрока
и родинок больших.

Ведь кудри непокорные
спадают на глаза
молниеносно-черные,
как поздняя гроза.

В том, что изобразили мы,
есть свой и смысл и лад.
Компартия Бразилии,
виват тебе, виват!

СЛЕПЕЦ

Идет слепец по коридору,
тая секрет какой-то свой,
как шел тогда, в иную пору,
армейским посланный дозором,
по территории чужой

Зияют смутные глазницы
лица военного того.
Как лунной ночью у волчицы,
туда, где лампочка теснится,
лицо протянуто его.

Он слышит ночь как мать — ребенка,
хоть миновал военный срок
и хоть дежурная сестренка,
охально зыркая в сторонку,
его ведет под локоток

Идет слепец с лицом радара,
беззвучно, так же, как живет,
как будто нового удара
из темноты все время ждет.

МИХАИЛУ СВЕТЛОВУ

Гренада, Гренада, Гренада моя...
М. Светлов.

Все совершается как надо,
хоть и не сразу, не сполна.
Но горсть земли из-под Гренады
была в Москву привезена.

Ее везли не без опаски
через границы вдалеке,
как будто в старой русской сказке —
в полукрестьянском узелке.

Ей красоты не доставало,
оттенков сизо-золотых —

она из пыли состояла
и мелких камешков нагих.

Но, несмотря на это, все же
она на свой особый лад
была для нас куда дороже
всех украшений и наград.

И мы ее, чтоб легче было
тебе лежать от всех вдали,
на тихий холм твоей могилы,
как надлежало, принесли.

Ведь есть естественность прямая
в том, что сегодня над тобой
земля Испании сухая
смешалась с русской землей.

ПОСТОЯНСТВО

Средь новых звезд на небосводе
и праздно блещущих утех
я, без сомненья, старомоден
и постоянен, как на грех.

Да мне и не к чему меняться,
не обязательно с утра
по телефону ухмыляться
над тем, что сделано вчера.

Кому — на смех, кому — на зависть,
я утверждать не побоюсь,
что в самом главном повторяюсь
и — бог поможет — повторюсь.

И даже муза дальних странствий,
дав мне простора своего,
не расшатала постоянства,
а лишь упрочила его.

ТИХИЙ, ИЛИ ВЕЛИКИЙ

Внук полевой России
(ива, изба, Иван),
я увидел впервые
с палубы океан.

Это ведь не эстетство,
если она впервой,
синяя сказка детства,
движется под тобой.

Это не скрипки бала,
если тебя штормят
девять и десять баллов
целую ночь подряд.

Бахают волны сбоку,
теша тоску свою.
С жадностью одинокой
перед тобой стою.

Может быть, я не вправе
вровень с тобою жить.
Но не хочу ославить —
хочется разъяснить.

Вовсе не для присловья
с флагом над головой
мы умывались кровью,
собственной и чужой.

Там, на советской суше,
выйдя на свет из тьмы,
реквиемы и туши
перемежали мы.

Небо уже беззвездно,
вроде бы стих прибой.
Слишком, пожалуй, поздно
встретились мы с тобой.

Было б, конечно, лучше,
если б Девятый вал,

сбив, как папаху, тучи,
зыбку мою качал.

Возгласы, посвист, крики...
Как ты там ни ори,
Тихий да и Великий
были у нас цари.

Отменены недавно
библия и коран.
Будем шуметь на равных,
оба в ролях заглавных,
Тихий мой океан.

ВИШНИ ЯПОНИИ

Я в долгу...

перед вишнями Японии...

В. Маяковский.

Сразу все, согласно и неслышно,
словно кто-то дал команду тут,
белые и розовые вишни
надо всей Японией цветут.

Нам-то, русским жителям, не ново
угадать с любовью и тоской
этот дух и этот цвет вишневый
в утреннем поселке под Москвой.

Но они в Японии сильнее
и нежнее как-то, чем у нас:
то ли небо дальнее синее,
то ли дымка застилает глаз.

Из отеля выйдя на рассвете,
невдали, на горке некрутой,
я ее нашел.
И эти ветви
бережно придерживал рукой.

Все стоял я, осененный светом,
и держал вишневый цвет в горсти,
чтобы после ощущение это
до своей России довести.

Выпало мне маленькое счастье:
в Азию попав со стороны,
уплатить, хотя бы в малой части,
то, что вы Японии должны.

ПЛАЧУЩАЯ ЛАПША

Ночью под модной крышей,
где помещен отель,
я сквозь окно услышал
плачущую свирель.

Было ее звучанье
в яркости голубой,
словно бы обещанье,
связанное с мольбой.

С вышки многоэтажной —
нету важнее дел —
через заслон бумажный
я ее разглядел.

Двигаясь с явным толком
в блеске ночных теней
медленно шла двуколка
ниже ночных огней.

В темной какой-то робе
сгорбленный старичок
шел меж ее оглобелей,
словно бы ишачок.

И, украшая дело,
словно луга — апрель,
с жалким призывом пела
нищенская свирель.

Город оповещая,
ехала не спеша,

знающих обольщая,
плачущая лапша.

Люди рабочей смены,
дружный ночной отряд,
севши вокруг, степенно
эту лапшу едят.

Мне до нее не близко,
но по всему видать —
вкусно ее из миски
палочками хлебать.

Скучно мне на банкетах,
муторно для души.
Вот похлебать бы этой
запросто здесь лапши.

ПРОЩАЛЬНАЯ ЛЕНТА

Ленты медленно и быстро
в мокром воздухе летят
с нашей палубы на пристань
и оттуда назад.

Их берут на расстояние,
ловят их над головой,
превращая расставанье
в детский праздник портовой.

Вот еще их больше стало,
только ленты, как во сне.
Мне уж вовсе не пристало
оставаться в стороне.

Но средь бестолочи этой
проводящих людей
у меня, к несчастью, нету
ни знакомых, ни друзей.

...Я совсем не знаю, кто ты,
но ручаюсь целиком,

что лицо такой работы
надо делать топором.

Эти лица не ваяют,
с тонкой кистью не корпят,
а наотмашь вырубают —
так, что щепочки блестят.

Потому-то в час отхода,
колебаний не любя,
я из общего народа
выбрал именно тебя.

И в порту Иокогамы,
чтоб меня не позабыл,
я тебе, как телеграмму,
ленту длинную пустил.

Вот она неотклоненно,
хоть дождем мерцала мгла,
сквозь намокшие знамена
в руку сильную вошла.

Был я счастлив на причале
тем, что мы, как два юнца,
с наслаждением держали
этой ленты два конца.

Нам обоим ясно было,
что под небом облаков
нас она соединила
не для праздных пустяков.

Умиляться я не стану —
это стиль никак не мой.
Через волны океана
я ее везу домой.

ЮГОСЛАВСКАЯ СВЕЧА

Свеча горела на столе,
Свеча горела...

Б. Пастернак.

Кругом тревожно и темно,
но по оплошке
светилось малое окно
в ночной сторожке.

Бессветно было на земле,
но все же смело
свеча горела на столе,
свеча горела.

Вязала что-то там свое,
склонившись глухо,—
не то жилет, не то белье —
одна старуха.

От оккупации устав,
в простенке малом
больной старик тревожно спал
под одеялом.

Вдруг прогремел дымящий ад
гудящим басом.
Взорвали партизаны склад
боеприпасов.

И по окраине села
ночная стежка
собак немецких привела
к окну сторожки.

Гестапо шло навеселе,
и в ночь расстрела,
как в ночь венчанья, на столе
свеча горела.

Под утро чуждая рука
неспешно, сухо
похоронила старика
с его старухой.

С тех пор во тьме большой ночи
с двойною силой
всегда горели две свечи
на двух могилах.

Кто их в ту пору зажигал,
узнать не силюсь,
но сам слышал и сам видал:
они светились.

Не сомневаясь, помолчи —
ведь в самом деле
всю ночь горели две свечи,
всю жизнь горели.

В БОЛГАРСКОМ ГОРОДКЕ

Сюда, где гулом постоянным
насыщен вдоволь бедный зал,
из интуристских ресторанов
я убежденно убежал.

Там все приборы да проборы,
манишек блеск и скатертей —
все это мне никак не в пору,
не по симпатии моей.

А тут, жуя и торжествуя,
как в царстве малом и родном,
отлично время провожу я
за плохо прибранным столом.

Сюда любые лица вхожи:
вот плотник, весел и небрит,
складной аршин, как герб вельможи,
из куртки старенькой торчит.

С ужасным перцем суп горячий
глотаю жадно паренек.
В его подсумке обозначен
не для забавы молоток.

А ты, сосед с лицом убитым,
не погибай из-за любви.
Прекрасен твой пиджак из твида
и брюки белые твои.

Твоя подружка, может статься,
к тебе воротится опять —
не надо глупо упиваться,
уж лучше глупо уповать.

Вон там, стаканы поднимая
за нашу жизнь, за наши дни,
шумит компания хмельная.
Шуми, компания, шуми!

Здесь чуть не все друг дружку знают,
тут шутки общие, свои
И между стульями порхают,
как на бульваре, воробьи.

СВАДЬБА

Уместно теперь рассказать бы,
вернувшись с поездки домой,
как в маленьком городе свадьба
по утренней шла мостовой.

Рожденный средь местных талантов,
цветы укрепив на груди,
оркестрик из трех музыкантов
усердно шагал впереди.

И слушали люди с улыбкой,
как слушают милый обман,
печальную женскую скрипку
и воинский тот барабан

По всем провожающим видно,
что тут, как положено быть,
поставлено
дело солидно
и нечего вовсе таить.

Для храбрости выщедив кружку,
но все же приличен и тих,
вчерашним бедовым подружкам
украдкой мигает жених.

Уходит он в дали иные,
в семейный хорошенький рай.
Прощайте, балы и пивные,
вся жизнь холостая, прощай!

По общему честному мнению,
что лезет в лицо и белье,
невеста — одно загляденье,
да поздно глядеть на нее.

Был праздник сердечка и сердца
отмечен и тем, что сполна
пронзительно-сладостным перцем
в тот день торговала страна.

Не зря ведь сегодня болгары,
хозяева этой земли,
в кошелках воскресных базаров
один только перец несли.

Повсюду, как словно бы в сказке,
на стенах кирпичных подряд
одни только красные связки
венчального перца висят.

СИРЕНЬ

Был день февраля по-февральскому точным,
окрестность сияла белее белил,
когда невзначай в магазине цветочном
корзину сирени я вдруг укупил.

Являя безмолвный образчик смиренья,
роняя — уже — лепестки на ходу,
я с этою самою белой сиренью
по городу зимнему быстро иду.

В ушах у меня воркованье голубки,
встречающей мирно светящийся день,
смеются и валенки и полушубки:
«Сирень появилась! Смотрите, сирень!»

Так шел я, дорогу забыв на квартиру,
по снегу, как истинный вестник весны,
как мальчик с цветущею веткою мира
проходит, закрыв полигоны и тиры,
по дымному полю глобальной войны.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Декабрь	3
Декабрьское восстание	4
Баллада Волховстроя	5
Счастливый человек	6
На Красной площади	7
Майор	8
Манон Леско	9
История	11
Русский язык	11
«Не семена и не вразвалку...»	12
Командармы гражданской войны	13
Меншиков	13
Колокольчики	14
Вечернее стихотворение	15
Сердце	16
Пейзаж	16
Стихи, написанные в псковской гостинице	17
Извинение перед Натали	18
Жантил	18
Слепец	20
Михаилу Светлову	20
Постоянство	21
Тихий, или Великий	22
Вишни Японии	23
Плачущая лапша	24
Прощальная лента	25
Югославская свеча	27
В болгарском городке	28
Свадьба	29
Сирень	30

Сберегательные кассы предоставляют возможность каждому гражданину, независимо от того, является он вкладчиком сберегательной кассы или нет, внести свои деньги и получить именной документ — аккредитив.

● Аккредитивом можно воспользоваться при переезде из одной местности в другую, при поездке в отпуск, путешествии, командировке.

● Деньги, внесенные на аккредитив в сберегательной кассе одного города или района, могут быть получены их владельцем в сберегательной кассе любого другого города и района.

● Сберегательные кассы выдают аккредитивы трех видов: на любую сумму до 500 рублей, в 300 рублей и в 500 рублей.

● Аккредитивы на сумму до 500 рублей оплачиваются сразу полностью.

● По аккредитивам в 500 и 300 рублей деньги выплачиваются в зависимости от желания их владельцев — сразу в полной сумме или по частям, в суммах, указанных на каждом из пяти ордеров, имеющих в аккредитивах этого вида. Например, по аккредитивам в 500 рублей можно получить сумму в 100, 200, 300 рублей и т. д., по аккредитивам в 300 рублей — 60, 120, 180 рублей и т. д.

● Владелец аккредитива выдается два документа — аккредитив и контрольный лист к нему, которые следует хранить раздельно, чтобы при утрате одного из них было ускорено решение вопроса о выплате денег.

● Оплата аккредитивов производится сберегательной кассой по предъявлении его владельцем паспорта или заменяющего его документа.

ПОЛЬЗУЙТЕСЬ УСЛУГАМИ СБЕРЕГАТЕЛЬНЫХ КАСС!

Управление гострудсберкасс
и госкредита РСФСР